

Из классики XX века

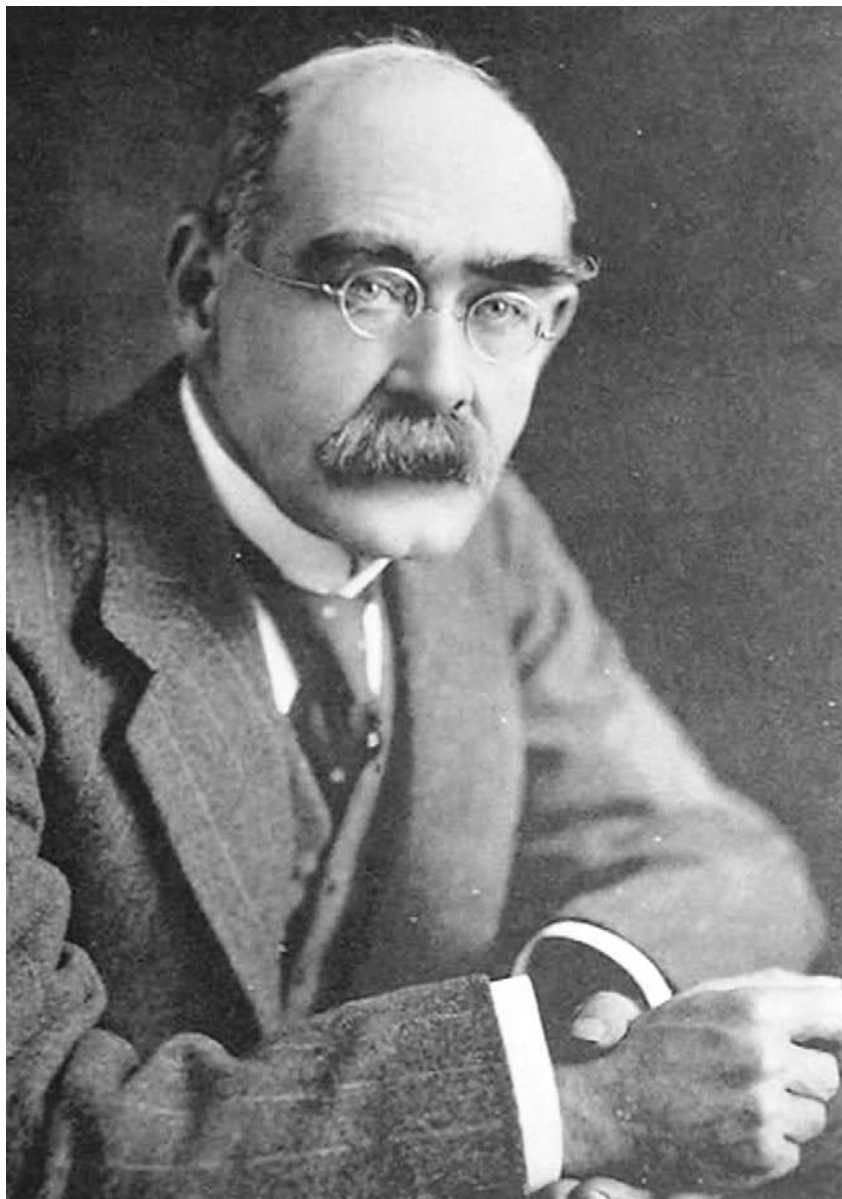
Редьярд Киплинг

Долг

[198]

ил 2/2019

Перевод с английского Илья Одегова

ТЮРЕМНЫЙ доктор и его жена отправились в Сады, чтобы поиграть в теннис, а их шестилетний сын Уильям остался дома. Формально он находился под присмотром туземной няни, однако на самом деле за ним приглядывали Раз-Три-Два и старый Махмуд Али, дхарзи, портной, который шил платья для матери доктора с тех времен, когда юбки еще были похожи на юбки.

Раз-Три-Два имел статус “пыжа”, то есть пожизненно осужденного за то, что незадачливо застрелил родственника не совсем на той стороне британской границы. От этого убийства он мог уклониться не больше, чем приличный англичанин от оплаты членских взносов своего клуба. А ошибку допустил только из-за старой раны в голове, полученной в битве за Фестюбер¹, она-то и повлияла на его координацию. Впрочем, судья, который вел дело, не посчитал это смягчающим обстоятельством, и Раз-Три-Два избежал виселицы только благодаря апелляции, подготовленной и оплаченной полковником и офицерами старого полка, того самого, который он оставил после двадцати лет безупречной службы с пенсией и, как было указано в судебных документах, по “срочной личной необходимости”.

Его тюремные обязанности — он все-таки был унтер-офицером — состояли в надзоре за осужденными, работающими в саду у доктора, и там он постепенно взял на свою потрепанную и обесчещенную голову роль телохранителя Уильяма или, как он сам выражался, роль “жертвы”. Немногие более заслуживают доверия, чем человек, совершивший одно справедливое убийство, и Уильям вскоре сделал Раз-Три-Два начальником всего своего двора с почетным званием Пусь-Пусьяка, что означало почти то же самое, что и “Гусь-Кусака”².

Так что и сегодня, когда Уильям вышел со своим самокатом во двор, Раз-Три-Два с мотыгой на длинной ручке пошел за ним. Он знал, что дорожки во дворе только что полили, а на этот свежий запах любили сползаться маленькие змеи. Раз-Три-Два держался от Уильяма на расстоянии удара до тех пор, пока мальчишка не утомился от игр.

— Убери эту штуку наконец, Пусь-Пусьяка! — приказал Уильям и вскарабкался по ступенькам веранды к старому Махмуду, сидящему, скрестив ноги на ковре, в окружении красивых цвет-

1. Эпизод Первой мировой войны. В сражении принимали участие индийские войска. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

2. Герой известного в Англии детского стихотворения.

ных тканей. Махмуд шил дневной костюм и держал складку шва между пальцами ног.

— Можешь пить свой табак, — сказал Уильям расслабленно. — *Они* не вернутся до наступления темноты.

— Но *они* узнают, им все расскажет эта ткань, — ответил Махмуд, склонившись над платьем. — Запах кальянного дыма в нее впитается.

— Тогда возьми сигареты моего отца, — Уильям показал подбородком на вход в комнату.

Раз-Три-Два пошел в гостиную и вернулся с парой сигарет, которые достал из шкафа, стоявшего рядом с радиоприемником.

— Что там слышно о болезни Падишаха?¹ — спросил он.

Уильям важно надулся. Это была одна из его прерогатив — пересказывать то, что человек в радиоприемнике говорил о больном Падишахе.

— Ну, он мало спал прошлой ночью из-за лихорадки. Он не хочет есть. И все же ему должно хватить сил. Пятеро врачей поклялись в этом. Других новостей по радио не будет до самого вечера.

— А что об этом говорит твой отец? — спросил Махмуд.

— Мой отец говорит, что все в порядке, более или менее, — Уильям подцепил швейные ножницы Махмуда и попытался прокатить их на своем указательном пальце.

— Осторожно! Так можно и порезаться. Дай-ка их лучше сюда. — Махмуд забрал ножницы.

— А моя мама считает, что сейчас все люди в мире молятся за здоровье Падишаха. Их молитвы восстановят справедливость, и он выздоровеет.

— На все воля Аллаха, — сказал Махмуд. В свободное время он служил имамом и был главой маленькой грязной сельской мечети за воротами Тюрьмы. Там он проповедовал по пятницам.

— Я тоже молюсь каждую ночь, — радостно сообщил Уильям. — После молитвы “Сделай меня хорошим мальчиком”, я встаю по стойке “смирн-но” и повторяю: “Боже, храни короля”. Это ведь хороший *намаз*?

— Не существует ни границ, ни пределов для того, чтобы прославлять милость Аллаха, — процитировал Махмуд.

— Хорошо сказано, портной! — Раз-Три-Два засмеялся. Он был одним из тех упрямых афридиев с холмов Хайбер, которые не выносили неверных, но с легкостью импровизировали в вопросах веры.

1. Здесь падишахом называют короля Георга V.

— Хорошо сказано, — повторил Уильям. — Помню, давным-давно, еще в прошлом году, у меня поднялась температура, и папа сказал, что это *дела-пло-ха*. А потом моя мама помолилась за меня, и я поправился. О, вот же мой синий ящик с пуговицами!

Он потянулся к старой лакированной кашмирской шкатулке Махмуда, где хранилась всякая всячина, и принялся ковыряться в бисере и пайетках. Раз-Три-Два перевел свои глубоко посаженные глаза на Махмуда.

— Это плохая новость о Падишахе, — сказал он. — Слушай, имам, а ты спрашивал совета у Имен, с тех пор как он заболел?

Коран не одобряет магию, но не считается предосудительным обратиться к имени Аллаха в соответствии с системой под названием Абджад¹, в которой каждая буква арабского алфавита носит одно из девяноста девяти Имен Бога, начинающегося с этой буквы. Каждое имя имеет произвольное число, качество, элемент, знак Зодиака, планету и так далее. Эти таблицы часто переписываются и используются в качестве амулетов. Даже Уильям, который думал, что он все знает, не знал, что Махмуд вшил Абджад в воротник своего халата для холодной погоды.

— Мир полон сомнений по этому поводу, — покачал головой Махмуд.

— Конечно. Но отсюда большая часть мира мне недоступна. Расскажи лучше, что получилось у тебя?

— Что ж, я взял возраст Падишаха, которому сейчас шесть десятков и три года. Число шестьдесят соответствует имени Слушающего. Это может быть как хорошо, так и плохо, ибо Аллах слышит и хорошее, и плохое. Его звезда — Сатурн, внешняя из семи звезд, хорошая и достойная планета. Однако его знак — Стрелец, который также является символом месяца (ноябрь), в котором болезнь впервые завладела Падишахом. Это значит, что Стрелец дважды причинит страдание Падишаху.

Раз-Три-Два кивнул. Это казалось довольно разумным.

— Что до номера три, то его именем является Созывающий, и это опять-таки может быть как хорошо, так и плохо. Ибо кто знает, для какой цели созывает Аллах людей на суд Божий? Знаком номера является Краб, который, будучи женщиной, находится в дружбе со Стрельцом. Вполне вероятно, что если Стрелец пощадит Падишаха и сейчас, и в следую-

1. Первые четыре буквы старо-арабского алфавита.

щий раз (ибо он, несомненно, поразит его дважды), то Падишах будет очищен от своего недуга в месяц Краба (в конце июня или в начале июля).

— А что за планета у номера три? — спросил Раз-Три-Два.

— Ну, конечно же, Марс. Это ведь король. Абджад все знает наверняка. Разве ты не обращался к Именам прежде?

— Был у нас один священник, который раскладывал мне карты, когда я решил узнать, как пойдут мои дела. Этот сукин сын довольно ясно выразился насчет того, что я должен наказать моего двоюродного брата. Однако он и словом не обмолвился о моем заключении здесь.

— Он считал по буквам твоего имени или по возрасту?

— Я думаю, что по имени. Впрочем, я не очень в этом разбираюсь.

— И слава Аллаху! — воскликнул Махмуд. — Впрочем, не удивительно, что ты огорчаешься, Зухан Хан. Твоя буква — это *Zad*, и она соответствует имени Каратель. Его атрибут — Грозность, а качество — Ненависть.

— Все верно, — ответил Раз-Три-Два. — Но какая разница, что говорят Имена, если я останусь здесь до самой смерти? Я вынужден подчиняться установленным правилам. К тому же, если бы я оказался на свободе, — он криво усмехнулся, — моя родня с холмов тут же прикончила бы меня. А так я живой. А почему? Потому что человеку воздается за совершенные в прошлом добрые дела. Я, к примеру, вытащил моего капитана, который сейчас уже стал полковником, из-под земли, засыпавшей его во Франкистане¹. Это было просто частью нашей работы. Он ничего не сказал мне по этому поводу, так же как и я ему. А спустя семь лет, когда меня осудили за то, что я убил и сжег кузена², Полковник потратил целую кучу денег на адвокатов и лгущих ради меня свидетелей. А иначе бы...

Раз-Три-Два повернулся бородой в сторону маленького черного сооружения на крыше за пределами высокой стены сада. Никто никогда не говорил Уильяму, что это за приспособление и для чего оно предназначено.

— Может быть, это и есть твое доброе дело. Ты спас жизнь капитану, а он в ответ сохранил твою, — предположил Махмуд.

— И все же я заключенный, пленник. Разве это равновесие, баба³?

1. То есть во Франции.

2. По мусульманским верованиям, человек, чье тело было кремировано, а не похоронено в земле, не попадет в рай.

3. В Индии является нормальным обезличенным обращением к уважаемому человеку.

Уильям вдруг закрыл шкатулку.

— Все, хватит, — сказал он. — Принеси-ка снова мою *самокату*, Пусь-Пусяка. Я буду наездником. Я буду играть в поло.

Как раз сейчас пришло опасное время, когда маленькие змеи, имевшие привычку отдыхать на влажных садовых дорожках, не отбрасывали предупреждающую тень, оттого что густые заросли манго закрывали лучи низкого солнца.

— Конечно, — сказал Раз-Три-Два, но, вместо того чтобы подать самокат, сказал Махмуду:

— Пока он будет кататься, я расскажу тебе сказку о Падишахе, которую мой полковник часто рассказывал мне.

— Нет! Оставь мою *самокату*, — воскликнул Уильям, — я лучше послушаю эту сказку. Приготовь-ка мне местечко!

До мужчины было не больше пяти шагов, но к тому времени, когда Уильям одолел их, его уже поджидала коленка, на которую он сразу залез. Его левая щека оперлась на правое плечо Раз-Три-Два, укрытое тюремным одеялом, правая рука схватилась за бороду мужчины, а сам Уильям вытянулся вдоль изогнутой правой руки своего телохранителя.

— Начинай, Пусь-Пусяка! — скомандовал он со своего трона.

— С твоего разрешения, — кивнул Раз-Три-Два. — В начале того года, когда ты родился, а я начал служить тебе, баба́, мой полковник рассказал мне эту историю, чтобы успокоить мое сердце. Это было, когда меня... когда меня...

— Собирались повесить из-за твоего плохого кузена, — сказал Уильям, прищурившись и указывая средним пальцем на избушку на крыше. — Я знаю.

— Пытаться утаить что-то от женщин и детей все равно что наливать воду в решето, — усмехнулся Махмуд в свою большую серебристо-черную бороду.

— Да, баба́, в то самое время, — сказал Раз-Три-Два, придя в себя от удивления. — Мой полковник сказал мне, что, когда война во Франкистане закончилась, Падишах приказал, чтобы всех людей, которые погибли во время несения службы, а таких было бесконечное множество, похоронили в соответствии с их верой.

Уильям кивнул. Часто, выходя из дома, он видел похоронные процессии на пути к мусульманскому кладбищу возле ипподрома; но ему, совсем еще ребенку, некоторые детали свадеб или похорон оставались непонятны и требовали пояснений.

— Всё сделали так, как велел Падишах. Каждому вырыли могилу и на белом камне вырезали имя, звание и род войск. Все камни были одинаковыми, с одним и тем же узором, вне зависимости от того, кто лежал под ними — генерал или трубочист, белый или черный, мусульманин, еврей или языч-

ник. Мой полковник сказал мне, что захоронения напоминали города, окруженные стенами, разделенные дорогами, вдоль которых росли деревья и цветы, и люди могли приходить и гулять там.

— По пятницам, — пробормотал Уильям. Ведь пятница — это день, когда мусульманские семьи посещают своих умерших. Он частенько просился после обеда пойти на кладбище вместе со слугами.

— Или каждый день. И когда все было сделано, когда Мертвый Народ, наконец, обрел покой, Падишаху пришла в голову (и порадовала его) идея пересечь малую воду между Белайтом¹ и Франкистаном и посмотреть на кладбища. Он отдал приказ о подготовке к путешествию и сказал: “Пусть не будет ни музыки, ни слонов, ни князей — ни на моем пути, ни у моего стремени. Ибо это паломничество. Я хочу просто поприветствовать Мертвый Народ”. И Падишах отправился в дорогу. И где он видел могилы своих людей, там он натягивал поводья, отдавал честь и возлагал цветы на большие камни по обычаю своего народа. И уж если на то пошло, — Раз-Три-Два обратился к Махмуду, — он делал то же самое, что наши женщины делают по пятницам. Старухи и маленькие дети обнимали его, когда он останавливался среди обломков кирпичей, пепла и разбитой древесины в городах, которые были уничтожены во время войны.

— Уничтожены во время войны... — повторил рассеянно Уильям.

— А Мертвый Народ оставался за белыми стенами, среди травы и цветов, выстроенный в ровные шеренги, словно перед утренним смотром.

Раз-Три-Два придвинул мальчика поближе к себе, ощутив, как тот обмяк и потяжелел.

— Мой полковник рассказал мне эту историю. И мой Полковник сказал — и Аллах мне в свидетели, я это и сам знаю, — что тогда стояла убийственно холодная погода. Во Франкистане мороз куда сильнее, чем на моих собственных холмах зимой. Холодно настолько, что пальцы на ногах отваливаются. Да! Вот почему у меня не хватает двух пальцев, баба. Стоял мороз и в тот раз, хотя Падишах приехал весной. Светило солнце, однако ветер кусался. Это было последнее кладбище — узкое, обнесенное высокими стенами и только с одними воротами в углу. Да, прямо как эта Тюрьма. Оно было заполнено нашими людьми, в основном мусульманами, служивши-

ми на фронте. Кладбище находилось за пределами города, среди полей, где дули ветры. Специально к паломничеству Падишаха издали приказ, чтобы у каждого пункта, в котором Падишах намерен был остановиться, его ждал какой-нибудь генерал-сахиб, сражавшийся рядом с этим местом в долгой войне. Не князья, не священники, не слоны, а генерал его армии. И вот к единственным воротам этого узкого кладбища с высокими стенами пришел генерал-сахиб с мечом и при шпорах, со многими медалями и стал ждать приезда Падишаха. Он был болен, и на время ожидания надел большое пальто — свою большую *баританскую шинелю*.

— Я знаю, что это, — сказал Уильям, очнувшись. — Махмуд сшил мне одну маленькую шинель из старой шинели моего отца, когда тот вернулся. Правда, Махмуд так и не приладил мне короны и звезды на погоны.

Махмуд вздохнул (он как раз убирал свою ручную швейную машинку) и тихо зашел в дом. Солнце садилось, и в воздухе чувствовалась перемена к вечеру.

— Да, весь мир знает *баританскую шинелю*. В общем, генерал ждал, кутаясь и прячась от ветра, задувавшего через ворота, до тех пор, пока не услышал шаги Падишаха, идущего по пустынной земле.

Раз-Три-Два протянул левую руку, взял кусок ткани для теплого халата, который Махмуд принес из детской, и прикрыл им Уильяма. Голос его продолжал успокоительно мурлыкать.

— И когда шаги Падишаха приблизились к воротам, генерал снял тяжелое пальто и встал так, чтобы на его форме были видны ордена и медали, — в соответствии с уставом. Падишах подошел. Генерал отдал честь, но Падишах не ответил. Вместо этого он махнул рукой слева направо, вот так — мой полковник показывал этот жест мне, — и закричал: “Клянусь Аллахом, о человек, я заклинаю тебя надеть пальто немедленно! Сейчас не время болеть!”. И он назвал именно ту болезнь, которая поразила его самого через пять лет после этого случая. Генерал бросился надевать пальто, и через одно мгновение Падишах снова стал Падишахом во всех отношениях. Сопровождавшие его называли имя и перечислили почести генерала, а генерал отдал честь и выдвинул рукоять своей шпаги, чтобы прикоснуться к лезвию. Он выполнил все свои обязанности перед Падишахом и все время сопровождал его. И, уже уходя, Падишах сказал ему: “Смотри, чтобы никогда больше, человек, я не видел тебя в такую погоду без толстого пальто или шинели. Хороших людей сейчас и так мало”. И они спустились к морю и отчалили в тишине, провожаемые десятью тысячами людей с непокрытой головой. (Во время

хаджа музыка была запрещена.) Так оно и было; и мой полковник говорил мне, что то был последний пункт Падишаха в его хадже к Мертвому Народу. Подожди, Махмуд, не начинай молитву. Видишь, ребенок спит. Когда Падишах уехал, генерал сказал моему полковнику, который тогда находился в отпуске во Франкистане: “Клянусь Аллахом, я обязан своей жизнью Падишаху. Не надень я пальто, этот холод убил бы меня за час!”

— Так Падишах назвал именно ту болезнь, которая поразила его самого? — спросил Махмуд.

Уильям ровно дышал.

— Да, именно ту болезнь. И с тех пор прошло целых пять лет.

— Это могло быть знаком, — кивнул Махмуд, — хоть и маленьким, но знаком.

— Жизнь человека — вещь не маленькая. Вон, к примеру, какой тамаша¹ устроил этот жирный индийский кабан-судья по поводу той жизни, которую я забрал.

— И тем не менее это маленькая вещь в сравнении с большими вещами, которые Падишах делает ежедневно.

— Но что мы знаем о них? Он — Падишах. Однако большая часть решений принимается не им, а его приближенными, как и мой приговор о повешении, который был бы приведен в исполнение, если б не полковник. Да нет же! Нет! У нас в армии говорили: “Истинное лицо солдата на параде не увидеть”. А еще мы говорим в наших холмах об этих проклятых, сделанных в Кабуле, кривых винтовках: “Ружье не стреляет прямо, если ствол кривой”. Впрочем, ты не поймешь, ты ведь не солдат.

— Я понимаю! У нас, портных, тоже есть поговорка: “Каков шелк, таков и самый последний лоскут его. Каково сердце, таковы и дела человека”.

— И это именно так! Поступок, который Падишах совершил на кладбище, показал личные качества и характер самого Падишаха. Это был справедливый договор между мужчиной и женщиной. Тот генерал обязан Падишаху жизнью. Я считаю, что Падишаху воздастся за это, и он останется в живых.

— Если Богу будет угодно, — сказал Махмуд и разложил свой коврик для намаза. Солнце зашло, и настало время для четвертой молитвы дня. Махмуд, как имам мечети, строго соблюдал ритуал, но Раз-Три-Два молился только на рассвете и

в полной темноте. Поэтому он просто сидел до тех пор, пока не услышал, как открываются ворота Тюрмы, чтобы пропустить автомобиль доктора, а потом отнес Уильяма в детскую.

— Что человек в радиоприемнике рассказал о короле? — спросил Уильям свою мать, когда та пришла пожелать сыну спокойной ночи. Он еще не был готов уснуть.

— Только то же самое, что и сегодня утром. Засыпай, малыш. Хочешь, чтобы я осталась и послушала твою вечернюю молитву?

— Не обязательно, — пробормотал Уильям. Потом, внезапно проснувшись, он резко выпрямился и сказал, подбирая правильные слова:

— Путь-Пусяка говорит, что король выздоровеет в любом случае. Он говорит, что ему обязательно воздастся за то, что он заставил замерзшего генерала надеть *баританскую шинелю*.

Сказав это, Уильям зарылся в подушку, вздохнул и утонул, наконец, в водах сна.